

М. А. Колеров

**К вопросу об институциональной
конкуренции в русской мысли 1910-х гг.:
книгоиздательство «Путь»
и журнал «Логос»**

Краткие курсы, комиксы и, к сожалению, некоторые исследования по истории русской мысли изображают главный узел идейно-философской дискуссии в русской мысли первой половины 1910-х годов в противостоянии «неославянофильства» (и близкого к нему религиозного национализма) «нео-западничеству», которые нагляднее всего выступают в полемически противостоявших друг другу издательских проектах: книгоиздательстве «Путь» и журнале «Логос».

Даже несмотря на то, что в публицистическом, полемическом и мемуарном упрощении сами участники этой полемики легко принимали на себя обновлённые исторические маски, твердя, что «время славянофильствует» и т. п., нет никаких оснований сводить сложносоставный, коалиционный характер всех без исключения главных идейных проектов в русской мысли конца XIX — начала XX веков к бинарным схемам. Там в русских идейных партиях и сектах, где и пока оставалось свободным публичное идейное творчество, эта партийная солидарность всегда носила коалиционный характер, главным выражением которого выступали манифестации публичных институтов этих коалиций. Та-

кое общественное «направленство» в русской мысли всегда было институциональным и строилось почти исключительно вокруг иерархии общественных институтов: кружков, журналов, газет, «идейных сборников», публичных лекций, научных и литературных обществ, книжных серий, а после революции 1905 года — и вокруг политических партий.

Представительность и влияние «направлений» прямо зависела от степени интегрированности их участников в научно-общественную среду, их способности мобилизовать читательскую и писательскую среду вокруг системы изданий — от фундаментов и «энциклопедий» в лице «идейных сборников» и книжных серий до широких научно-литературных применений идейных платформ в лице «толстых журналов» и публицистических поводырей по политической реализации идейных платформ в лице ежедневных газет.

В радикальном конспирологическом ключе такая системная, синтетическая и всепроникающая «направленская» институционализация идейной среды от религиозной философии до модернистского искусства была ярко обрисована в известной книге графа Ю. П. Граббе «Корни Церковной Смуты: Парижское братство Св. Софии и розенкрейцеры» (Белград, 1927). На равном удалении от полюса посрамления и дискредитации русского религиозно-философского движения начала XX века *как единого* (в труде Граббе) и полюса упрощения в комиксах о «неославянофильстве» и «неозападничестве» и следует нам искать институциональную историю русской мысли.

В 1905–1907 гг. — после того, как первые волны либеральной и социалистического идейного творчества в России выдохлись и внешняя повестка дня общества лишилась непосредственного присутствия социально-политической революции, интеллектуальный класс России был принуждён к формулированию задач позитивного повседневного социального творчества, к которому любое общество (и особенно послереволюционное) в принципе не может быть

готово. Два неравновесных «идейных сборника» 1909 года «Вехи» и «О Мессии» для нескольких ключевых идейных групп русской практической философии стали временем самоопределения. За этим выбором, по общему убеждению их участников, должна была определяться не только позитивная идейно-философская стратегия, но и выстраиваться, институционализироваться целостная групповая идейная политика. Оба сборника претендовали представить обций, «над-направленский», горизонт общества и социальной науки, поскольку их собственная идентичность связывалась их авторами с социальными и научными универсалиями. Поэтому в своих программах-максимум продолжающие эти коллективные сборники институции были призваны достраивать коллективное действие как устойчивую инфраструктуру (систему институций).

«Веховский» круг к 1910 году имел в своём распоряжении несколько университетских кафедр и несколько разнокалиберных журналов, ряд религиозно-философских обществ, свободную идейную трибуну в крупнейших оппозиционных газетах, разнообразных «обществах по распространению знаний». Но и «Вехи», и экономическая смерть журнала «Московский Еженедельник», и массовый уход либеральной профессуры из императорских университетов в 1911 году, и прекращение журнала «Критическое Обозрение» — вскоре оставили тех из «веховского» круга, кто выбрал своей стратегией *религиозное* строительство более чем *религиозно-общественное* — практически наедине с философски и религиозно ангажированной публикой религиозно-философских обществ. Они оказались в растущей зависимости от журнала «Русская Мысль» П. Б. Струве и С. Л. Франка, редакция которого вовсе не торопилась ограничить свою программу церковно-религиозными вопросами, в которых кстати, тогда ещё отнюдь не стояла «у церковных стен».

В такой ситуации создание М. К. Морозовой и Е. Н. Трубецким книжного издательства «Путь»¹, сразу принявшие

¹ Покойный исследователь Е. Н. Трубецкого и его любовно-

гося за составление формальной декларации, «идейных сборников» и серии фундаментальных монографий, было квалифицированным и тактически безошибочным решением с точки зрения опыта институционализации «направления». В условиях первой половины 1910-х гг. ни одно из идейных направлений не могло сравниться с «Путём» по уровню обеспеченности материальными ресурсами, авторскому качеству и напряжённости издательской программы, легитимации его участников в качестве профессуры высших учебных заведений. И лишь отсутствие в распоряжении «путейцев» собственного органа оперативного идейного и публицистического участия в общественной жизни (толстого или еженедельного журнала, газеты) делало их институциональную инфраструктуру принципиально неполной. Однако их собственный опыт предыдущих лет убедительно показал, что газетно-журнальная работа авторов «Пути» (за исключением С. Н. Булгакова) не относилась к числу их ярких достоинств, вызывавших массовый интерес аудитории.

Со своей стороны, первый по-настоящему интернациональный русский издательский проект — журнал-ежегодник «Логос», в отличие от предшествовавших ему марксистских интернациональных соавторских проектов в России, определённо отсекал вторичную, ученическую, пропагандистскую природу такого «международного сотрудничества», демонстрировал явно избыточный

интеллектуального союза с М. К. Морозовой — Александр Алексеевич Носов — так отвечал на естественный вопрос о том, почему одновременно с закрытием общественно слабого «Московского Еженедельника» своего друга М. К. Морозова немедленно взялась за организацию книгоиздательства «Путь», путь которого ещё менее мог удовлетворить общественным амбициям. А. А. Носов не устал подчёркивать, что главным мотивом инициатив была потребность в «общем деле» независимо от наличия громкого результата. И потому мы можем сказать, что такой мотив точнее всего описывал внутренний пафос инфраструктурного строительства в русской мысли.

для «ежегодника» журнально-библиографический пафос и одновременно стилистически сближался с образцами русских «идейных сборников».

Содержательно занимая жанровую нишу одновременно и «идейного сборника», и «направленного» журнала, с первого же своего номера «Логос» явственно претендовал включить в круг своих авторов сильнейшую, практически-философскую половину авторского коллектива «Вех». Перед лицом ушедших в «Путь» Булгакова и Н. А. Бердяева — «Логос» декларировал ближайшее (хотя и непартийное) участие Б. А. Кистяковского, Струве и Франка, показывая пределы своих идейных амбиций далеко далее трансляции европейских философских новаций.

Но для линии и группы «Логоса», в первую очередь, с точки зрения аудитории и общественного отклика, была практически закрыта сколько-нибудь широкая русская общественно-политическая и публицистическая среда. Она и предопределила гибель «Логоса» в военном 1914 году. Напротив, религиозно-общественная пропаганда стала особым направлением деятельности авторов «Пути» с самого начала Первой мировой войны.

Раскол «Вех» на «Путь» и на «Логос», за которыми по-прежнему — равно за обоими — стояла журнальная глыба «Русской Мысли», разумеется, не был расколом их широкой идейной инфраструктуры, в которой в пределах ценностей «общества и культуры» в коалиции сходились самые разные индивидуальности.

Но общая платформа «религиозно-культурного и социально-политического идеализма» стала полем для подлинной институциональной конкуренции между полюсом всё более церковного и общественно-герметического «Пути» и полюсом всё более дисциплинарно сложного и общественно-уязвимого «Логоса». Если институциональная стратегия «Пути» всё более двигалась в направлении церковной «Религиозно-общественной библиотеки», то стратегия «Логоса» часто обрушивалась в за-

ведомые тупики и изолированные резервуары школьной науки, уже населённые и во многом исчерпанные «Вопросами философии и психологии».

Конкуренция «Пути» и «Логоса» была взаимоуничтожительной для обеих инициатив, но во взаимном этом уничтожении открывала перспективу для развития новых, ещё в год «Вех» и «Мессии» совершенно немислимых по своей диверсифицированности, подсистем интеллектуальной инфраструктуры. Так инфраструктура русской философской мысли обогатилась актуальными идейными брошюрами и разовыми публичными лекциями², не ограниченными рамками религиозно-философских обществ, интеллектуальными хрестоматиями, целиком посвящёнными актуальным философским переводам, философским проблемам внешней политики и войны.

² Вероятно, главным исключением, формально не связанным с названным спором, но внутренне находящимся в поле описанных направлений, стали «лекционные гастроли» П. Н. Милокова 1909–1910 гг. по России с критикой сборника «Вехи».